

5

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИНПечатается
с продолжением

ПО ЧТИ

СЕРЬЁЗНО...

Первый тур прошел спокойно, а во время второго — после того как я прочел стихи и прозу, меня подозвали к столу, за которым сидела комиссия (ее возглавлял, он же набирал курс, режиссер Сергей Юткевич), заместитель председателя комиссии и сказала мне:

— Знаете, товарищ Никулин, в вас что-то есть, но для кино вы не годитесь. Не тот у вас профиль, который нам нужен. Скажу вам прямо, это мнение всей комиссии. Вас вряд ли будут снимать в кино. Если вы действительно любите искусство, то советую вам пойти в Государственный институт театрального искусства. Там еще принимают заявления.

Вышел из института совершенно убитый. Сначала подумал, что меня не приняли потому, что плохо сделал этюд на память физических действий.

Но потом после долгого разглядывания себя в зеркале, глядя на свое довольно-таки пустое лицо, я уверовал в слова помощницы Юткевича, что действительно для кино не годусь. И белозубого, голубоглазого блондина Тимченко тоже не приняли. Узнав об этом, он последними словами ругал комиссию. Особенно негодовал из-за одного экзаменатора, который обратился к нему со следующим заданием:

— Актер должен быть очень внимательным и наблюдательным. Вы согласны с этим? Вот представьте себе, что вы — глухонемой. Как вы попросите у меня молоток?

Тимченко честно включился в роль глухонемого: что-то мычал, тыкал себе пальцем в грудь, а затем рукой, скжатой в кулак, делал движение, будто забивал гвоздь.

— Прекрасно! — ободрил его экзаменатор.

— А теперь представьте, что вы — слепой, и попросите у меня ножницы.

Для большей достоверности Тимченко закрыл глаза и двумя пальцами воспроизвел движение ножниц, но тут же услышал:

— Артист должен быть внимательным. Зачем вы двигаете пальцами и молчите? Вы же — только слепой, вы можете просто сказать: «Дайте, пожалуйста, мне ножницы».

Но Тимченко не унывал и, вспомнив свои подвиги в морской пехоте, решил ВГИК взять штурмом. Поэтому он предложил мне и еще нескольким из непоступивших ребят пойти домой к известному артисту, который в то время вел во ВГИКе курс, Василию Васильевичу Ванину.

Разыскали мы с трудом адрес Ванина и пришли к нему на улицу Горького. В восемь утра позвонили в квартиру. Нам никто не ответил.

— Ничего, — сказал Тимченко, — подождем, погуляем.

Погуляли. Пришли через час. Снова звоним.

Открылась дверь, и на пороге перед нами стоял живой Ванин.

— Здравствуйте, — обратился к нему Тимченко, — вот мы и вам пришли, помогите нам.

— Проходите, ребята, — сказал Ванин, — извините, что я в халате, но вы не стесняйтесь.

Прошли мы в комнату, сели на краешки стульев. Ванин спросил, кто мы, откуда, что хотим?

Тимченко рассказал, что нас, группу ребят, фронтовиков, не приняли во ВГИК, на актерский факультет. Несколько человек стоят внизу и тоже волнуются. Они просто постеснялись идти. А вообще мы просим помочь нам.

Внимательно выслушал нас Ванин, спросил, откуда мы приехали, кто из каких городов, и сказал:

— Понимаете, ребята, если бы я набирал, то, конечно, вас принял. Но курс-то не мой. Вот буду снова набирать курс, пожалуйста, приходите. Я вижу, вы ребята способные! Простите, что не могу угостить вас ничем, я еще и чайник не кипятил...

Вышли мы от Ванина в полной уверенности, что если бы он действительно набирал курс, то мы стали бы студентами. Он, так нам казалось, взял бы телефонную трубку, позвонил в институт и сказал:

— Запишите там Тимченко, Никулина и других. Я их принимаю.

Теперь-то мне понятно, что Ванин — хороший человек и не хотел нас огорчать.

После встречи с Ваниным нам стало чуть легче. И решили мы с Тимченко продолжать сдавать экзамены в другой институт. (Много лет спустя я встретил бывшего матроса, обвшанного фотоаппаратами, на открытии кинофестиваля. Он стал фотокорреспондентом).

Провал во ВГИК переживал долго. «Ведь я же способный», — думал я. — Имел успех в армии!».

«Ну, Никулин, ты мировой!» — говорили мне часто однopolчане после концертов. На экзаменах же не допустили на третий тур.

«Для кино вы не годитесь».

И ДЛЯ ТЕАТРА Я НЕ ГОДИЛСЯ

Мама меня успокаивала:

— Не расстраивайся, не поступишь в этом году, на будущий попробуй.

Стараясь не расстраиваться, я тут же подал документы в ГИТИС и в училище имени Щепкина при Малом театре.

Сначала экзаменовался в Щепкинском училище.

Первый тур, отборочный, прошел благополучно. Настал день второго тура. В большой комнате (в ней устроили маленький зрительный зал) проходил экзамен. Первый ряд занимала комиссия. В центре сидела прославленная артистка Малого театра Вера Николаевна Пашенная.

Пришла моя очередь. Начал читать «Гусара» Пушкина и, не дойдя и до половины, услышал:

— Спасибо, достаточно.

«Ну, — думаю, — либо провалился окончательно, либо им так понравилось чтение, что они на прослушивание просто не хотят терять времени».

Вышел в коридор и жду окончания экзамена. Тут же подходит студент-старшекурсник училища и покровительственным тоном говорит:

— Ну, как же вы могли... читать с таким наигрышем? Это же абсолютно противопоказано актеру. Мой совет вам — избавляйтесь от наигрыша.

Студент оказался прав. Его мнение совпало с мнением приемной комиссии.

Здесь же, в студии Малого театра, мне рассказали историю, связанную с одним поступлением.

Экзаменовалась девушка, которой дали задание изобразить воровку.

Председатель комиссии положил на свой стол часы и попросил девушку их якобы украсить.

— Да как вы смеете давать такие этюды? — возмутилась она. — Я комсомолка, а вы мне даете такое задание. Я пойду жаловаться на вас!

Она долго кричала, стучала кулаками по столу, до-казывала свою правоту, а потом, вконец расплакавшись, выбежала из комнаты. Члены комиссии долго не могли прийти в себя.

Кто-то из них сказал: «А может, и верно, мы зря обидели девушку?». И тут председатель комиссии обнаружил, что вместе с девушкой исчезли и его часы. Теперь уже он испугался. Но через несколько минут девушка вернулась в комнату и, положив на стол часы, спокойно сказала:

— Вы мне предложили сыграть воровку. Я исполнила этот этюд.

(Начало с. в №№ 224, 225, 226, 227, 228).